

2. Курс Черненко-Горбачева (1984 г.)

В «советологии» распространено мнение о том, что период правления Черненко характеризовался «абсолютным застоєм»²⁹. Эту точку зрения трудно признать убедительной. Начатые Андроповым преобразования не прекращались. Именно в этот период само слово «реформа» впервые было легализовано в официальных документах (прежде «реформизм» в марксистско-ленинской идеологии был синонимом отступничества).

С первых своих шагов в новом качестве Черненко старался подчеркнуть преемственность своего курса андроповской политике «ускорения»: *«Он (Андропов — А.Ш.) ушел из жизни в самый разгар большой и напряженной работы, направленной на то, чтобы придать мощное ускорение развитию народного хозяйства, преодолеть трудности, с которыми столкнулась страна на рубеже 70-х — 80-х гг.»*, — говорил Черненко в траурной речи 13

февраля и развивал далее андроповские идеи социальной справедливости, которые приобретут второе дыхание уже в период Перестройки: *«В самой основе советского строя заложена социальная справедливость. И в этом его огромная сила. Потому столь важно, чтобы она неукоснительно соблюдалась в повседневных делах, идет ли речь о заработной плате и премиях, распределении квартир или путевок, о награждениях, — словом, чтобы все делалось по справедливости, в соответствии с трудовым вкладом каждого человека в наше общее дело»*³⁰. Вероятно, Константин Устинович искренне верил, что его личный вклад в «общее дело» вполне соответствует его «скромному образу жизни». Тем более, что об образе жизни основной массы населения, от которой он был огражден системой привилегий, Черненко имел самое приблизительное представление.

В своей политике Черненко исходил из собственного понимания справедливости. Это касалось и мелочей, например — восстановления в партии В.Молотова. Ему была назначена соответствовавшая «заслугам» пенсия. Таким образом были восстановлены принципы номенклатурной справедливости.

Укрепление номенклатуры продолжалось и по другим направлениям. Отные в аппарате ЦК могли работать только коммунисты, служившие раньше секретарями парткомов не ниже районного. Компетентность аппарата от этого снижалась, но ослабевало и проникновение «инородных элементов»³¹.

Достаточно суровой была политика Черненко в отношении коррупции — при нем было расстреляно несколько взяточников, арестованных при Андропове. Щелоков после многочасового разговора с Черненко застрелился³². 24 июля был арестован начальник московского главторга Н.Трегубов. К этому времени было арестовано 7,5% штатной численности работников Главторга, включая 2121 руководителя³³. Генсек лично «дал добро» на арест бывшего первого секретаря Бухарского обкома КПСС Каримова. По словам следователей Т.Гдяна и Н.Иванова, «это был очень важный прецедент — за несколько десятилетий первый случай привлечения к уголовной ответственности партийного руководителя столь высокого ранга»³⁴. Слова «за несколько десятилетий» можно читать: «впервые с 1953 г.» Эпоха относительной стабильности заканчивалась при Черненко. «Это сегодня, — продолжают следователи, — когда власть распалась, и власть, как нас убеждают, находится в руках демократов, взятками в полмиллиона уже никого не удивишь. А девять лет назад в Кремле посчитали, что нехорошо брать так много»³⁵. Санкция свыше лишала узбекских руководителей возможности открытого сопротивления. Каримов, арестованный в августе 1984 г., по мнению Гдяна, «для себя бетонно решил: раз допустили арест такой крупной фигуры, как он, значит на этот счет “есть мнение”». Это де, посоветовавшись, продали “свой”. Отдали, вернее. Значит, надо дисциплинированно смириться. Он не привык идти поперек “генеральной линии”»³⁶. Правда Ю.Чурбанов утверждает, что уже в заключении встретил Каримова, и тот утверждал, что Гдян и Иванов вынудили его давать показания «угрозами и шантажом»³⁷. Но в письме к Черненко Каримов довольно подробно описал

свои незаконные действия. У него были изъяты значительные ценности³⁸. Л.Тимофеев, встречавший в заключении бывшего министра В.Усманова, вспоминал о его настроении: «Здесь в тюрьме ему казалось, что он вовлечен в какую-то неожиданную и неизвестно откуда свалившуюся кампанию “по борьбе с коррупцией” — в кампанию, о которой всех, кроме него, вовремя предупредили, и поэтому все сумели как следует подготовиться, составить отчеты, привлечь благоприятные показатели... а его предали, принесли в жертву...»³⁹

Масштабы наиболее «показательных» дел впечатляли. К концу следствия по делу бывшего первого секретаря Бухарского обкома КПСС Каримова в июле 1986 г. у него (и его родственников) было изъято более 6 миллионов рублей (основная часть — в золотых монетах)⁴⁰. Эта сумма была для подавляющего большинства жителей СССР совершенно запредельной, не укладывающейся в сознание. По данным Майданюка, руководителям Министерства хлопкоочистительной промышленности Узбекской ССР и их сообщникам, севшим на скамью подсудимых в августе 1986 г., удалось украсть из казны свыше 2 миллиардов рублей. В 1979—1983 гг. приписки составили свыше 4 миллионов тонн хлопка⁴¹. После работы следственных групп в Бухарской области 11 первых секретарей райкомов были исключены из партии и в большинстве своем отправлены на скамью подсудимых, 5 чиновников разного уровня, в том числе первый секретарь обкома, — приговорены к расстрелу⁴².

Следственные действия сопровождалась решительными действиями по партийной линии. В июне 1984 г. Лигачев провел съезд республиканской компартии, «обновив» ее кадры. Новый первый секретарь КП Узбекистана И.Усманходжаев не стал оказывать сопротивления следственной группе. По мнению Гдляна и Иванова, это было связано с тем, что следствие пока не затронуло его клановых интересов⁴³. Усманходжаев, кандидатура которого подбиралась в Кремле, руководствовался указаниями из центра, надеясь, что следствие не «выйдет» на новое руководство.

9 июля 1984 г. Горбачев и Лигачев провели собрание аппарата ЦК, на котором последний поделился своими впечатлениями от поездки в Узбекистан. Присутствовавший на собрании работник аппарата А.Черняев писал в дневнике: «Факты разложения повергают в ужас. Урожай хлопка растет, а выход волокна из года в год снижается. Обворовывали государство на сотни тысяч рублей, через приписки сумели “утаивать” в год до 340 тыс. тонн хлопка. Взятки — 10 тыс. рублей минимум. В Ташкенте настроили дворцов, вилл, особняков для начальства... Тем временем полмиллиона жителей города живут в глинобитных хижинах-землянках без канализации, газа, водопровода и часто — без электричества»⁴⁴. Характерно, что инициаторам удара по среднеазиатской мафии было прекрасно известно, что коррупция пронизывает и другие республики. Лигачеву, например, по его собственному признанию, предлагали взятку на Украине в апреле 1983 г.⁴⁵ Однако широких репрессий здесь не последовало — «пуритане» опасались ворошить вотчину Щербицкого — это было опасно.

Все решения по поводу высокопоставленных чиновников санкционировались «сверху». Рассказывает прокурор по особо важным делам

К.Майданюк: «Я располагал четкими данными в отношении бывшего министра легпрома СССР Тарасова... Я спросил Тарасова: преподносили ли вам золотошвейные халаты? Он — наотрез, потом с кем-то посоветовался — привез два, каждый тысячи по четыре... Но доследовать мне не позволили...»⁴⁶ Приписки хлопка были обнаружены в Азербайджане, Казахстане и Туркмении. Здесь были проведены аресты включая министров⁴⁷. Но раскручивать дела и атаковать руководителей этих республик не стали. Политбюро четко очертило границы расследования деятельности крупных номенклатурных фигур — союзные республики и выборочные лица в Москве. Широкое расследование всей системы коррупции могло вывести маховик репрессий из-под контроля. Однако высокопоставленным чиновникам ЦК было неизвестно о настроениях Гдльян и Иванова, что впоследствии приведет к опасным для руководства КПСС последствиям. Подследственный Кахраманов (впоследствии оправданный) утверждал, что Иванов его «обзывал “комсомольской шкурой”», сволочью, говоря при этом, что все партийные работники — взяточники»⁴⁸. В Узбекистане Гдлян и Иванов начинали поход против верхов КПСС в целом. Не замечая этого, ЦК сразу после прихода Горбачева к власти дало добро на целую серию арестов⁴⁹.

В свою очередь Черненко угрожал консервативному чиновничеству скорыми реформами, которые неизбежно последуют за андроповскими экономическими экспериментами. Грядет Перестройка: *«В серьезной перестройке нуждаются система управления экономикой, весь наш хозяйственный механизм. Работа в этом плане только началась. Она включает в себя широкомасштабный экономический эксперимент по расширению прав и повышению ответственности предприятий...»*

*Давайте, однако, спросим себя: а не получается ли так, что для иных хозяйственных руководителей ожидание результатов экспериментов служит прикрытием их пассивности, стремления работать по старинке? Конечно, обновление экономических структур — дело ответственное... Но это вовсе не оправдывает тех, кто вообще не желает считаться с изменившимися условиями, с новыми требованиями жизни»*⁵⁰.

Подталкиваемые местническим лобби, помощники Черненко с его согласия намечают программу фронтального наступления на ведомства со стороны местных советов: *«У нас принят ряд решений, призванных повысить роль местных Советов в хозяйственном и культурном строительстве. Рассчитывали — и правильно рассчитывали, — что это поможет обеспечить комплексное развитие экономики на местах, выставит более прочный заслон против ведомственности, позволит полнее удовлетворять многообразные запросы населения, улучшить его обслуживание.»*

Словом, решения хорошие. Но выполняются они медленно, половинчато. Многие министерства все еще пытаются действовать в обход местных советов»⁵¹. Перед нами то, что еще Андропов называл местничеством. Этот «уклон», допущенный Черненко, возможно — с подачи Горбачева, закладывал стратегическую линию Перестройки вплоть до 1989 г. — ориентацию на постепенную политическую децентрализацию, регионализацию, советизацию и дебюрократизацию общества. Насколько эта линия оправдала себя

— вопрос другой. Но важно заметить, что сам поворот в эту сторону относится к предперестроечному периоду.

Черненко позволил своим референтам еще несколько важных новаций, достойных более позднего времени. Он выступил против подмены решений хозяйственников партийными инструкциями, заговорил об охране природы (дань развернувшемуся в стране движению против поворота рек), призвал депутатов активнее бороться за свою позицию, даже если она расходится с позицией вышестоящих органов, выступил в поддержку главного принципа правового государства — «перед законом все равны», отметил несовершенство межнациональных отношений⁵². Конечно, эти крупницы в речах Генсека выглядят фарисейством. Но на фоне всей массы фарисейских рассуждений о социалистической демократии, миролюбивой политике и прочих преимуществах «нашего общественного строя», в которых никогда не было недостатка, аппарат Черненко с согласия своего шефа проводил идеологическую подготовку последующих перемен. Дряхлый властитель подобно Андропову хотел иметь реальное представление о происходящем в стране. Отправляя группу своих сотрудников в Казахстан, он говорил: «Только собственными глазами, никому не верить. Там, надо полагать, постараются все приукрасить. А мы здесь должны знать истинное положение с молодежью в этой очень важной республике»⁵³. За два года до волнений в Алма-Ате руководство СССР ощущало слабые «подземные толчки» грядущего землетрясения. После Черненко о тревожных сигналах забыли.

Пожалуй, важнейшая черта курса Черненко-Горбачева — это внимание к тому, что Горбачев называл потом «человеческим фактором»: *«Чтобы советское общество уверенно двигалось вперед, к нашим великим целям, каждое новое поколение должно подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры, профессиональной квалификации и общей активности, — говорил Черненко. — Таков, можно сказать, закон социального прогресса.*

В условиях научно-технической революции, лавинообразного роста информации этот закон предъявляет небывало высокие требования и к тем, кто учится, и к тем, кто учит, — от рядового педагога до министра. Реформа и призвана создать все необходимые предпосылки для выполнения этих требований»⁵⁴, — утверждал Генсек.

Реформа школы, основные положения которой были разработаны еще при Андропове, была главным ответом черненковского руководства на вызов НТР. «Переделка мозгов» должна была стать надежной основой для индустриального рывка (тоже, кстати, «крамольная» для официального марксизма логика). Конкретные пути школьной реформы диктовались представлениями о необходимости соединения обучения с физическим трудом. Идея для режима не новая, но впервые воплощаемая с таким размахом. Уже в течение нескольких лет в ряде школ учеников раз в неделю направляли на «учебно-производственные комбинаты» и на предприятия-«шефы». Работники были вынуждены отрываться от своего дела и объяснять ученикам, как надо работать. Это считалось видом обучения и профессиональной ориентации одновременно. Теперь предполагалось сделать эту систему всеобъ-

емлющей, превратив массы школьников в неквалифицированную рабочую силу. С одной стороны, это должно было решить проблему дефицита рабочей силы, с другой — *«коренным образом улучшить трудовое воспитание и профессиональную ориентацию школьников на основе соединения обучения с производственным трудом, подготовку квалифицированных рабочих кадров в профессионально-технических училищах, дополнить всеобщее среднее образование молодежи всеобщим профессиональным образованием»*⁵⁵.

Смысл реформы заключался в политехнизации школы, резком увеличении количества учащихся, которые после 8(9) класса должны были продолжать обучение не в общеобразовательной школе, а в профессионально-техническом училище. Предполагалось наладить прямые производственные связи между школой и промышленностью. Дело ставилось на нештучную высоту:

*«Министерствам и ведомствам СССР и союзных республик создавать необходимые условия для трудового обучения учащихся на подведомственных предприятиях, в организациях и учреждениях. Для этой цели выделять оборудование, рабочие места, квалифицированные кадры, сырье и материалы, обеспечить четкую организацию труда учащихся»*⁵⁶.

Естественно, что подобная индустриализация подрастающего поколения должна была проводиться за счет существенного сокращения гуманитарных дисциплин в школе и свободного времени молодых людей вне ее. Формирующаяся личность попала под мощный пресс индустриальной машины, готовящейся к очередному «большому скачку». Была сокращена программа литературы, истории и других гуманитарных предметов. «Под нож» попал Достоевский, к которому чиновники всегда относились с большим недоверием. Государству нужны были не мыслители, а исполнители-работники. А чтобы молодежь не шаталась праздно, предусматривалось «значительное увеличение времени, необходимого для трудового обучения и общественно-полезного, производительного труда учащихся, а также проведение ежегодной трудовой практики за счет некоторого сокращения летних каникул»⁵⁷.

Все более формальным становилось и преподавание гуманитарных дисциплин в ПТУ, многие из которых превратились в рассадники молодежной преступности. Молодые люди по-своему реагировали на попытку превратить их в человека одномерного.

И.Земцов писал, комментируя планы школьной реформы: «И опять мы видим заигрывание с “простым человеком”: ему обещается “коренным образом улучшить постановку трудового воспитания”, “вооружить учащихся знаниями и навыками использования современной техники”...

Вместо известного ленинского призыва “Учиться и учиться!” он (Черненко, хотя речь должна идти не только о нем — А.Ш.) выдвинул лозунг “Превратить школьный класс в класс рабочий!” Реализация плана школьной реформы (в течение двух пятилеток) должна была предоставить правительству миллионы дополнительных рабочих рук и, приобщив школьников к неквалифицированному физическому труду, снизить уровень их интеллектуальных притязаний...

Была у реформы и более близкая цель: получить прибыль за счет эксплуатации школьников. Рекомендовалось “часть заработанных школьниками средств направлять в распоряжение школьного коллектива”. Воображение Черненко шло еще дальше — в будущем школьные заводы и хозяйства должны были позволить перевести всю систему образования на самообразуемость⁵⁸.

Эти слова в полной мере относятся и к Горбачеву — основному идеологу преобразований времени Черненко. Еще в Ставрополье Горбачев ратовал за внедрение труда школьников, утверждая, что в крае *«найдена удачная форма организации трудового воспитания школьников, при которой учение и труд идут рядом»*⁵⁹. Эта идея непосредственного совмещения школьного обучения с производством ляжет потом в основу «черненковской» школьной реформы.

Но в своих расчетах авторы реформы не учитывали сопротивления, которое она вызовет со стороны интеллигенции и хозяйственников. Учителей не удалось купить повышением зарплаты на 30% (с которой реформа во многом и ассоциировалась) — программа производственного обучения в большинстве случаев оставалась профанацией. Удалась лишь антиинтеллектуальная сторона преобразований — по гуманитарному образованию был нанесен серьезный удар.

Школьная реформа была лишь одной из мер по подготовке «большого скачка» НТР, задуманного партией. Несмотря на «аграрный профиль» Горбачева, проблема технологической модернизации перемещается в центр его интересов. «С некоторых пор М.С.Горбачев полагал, — вспоминает его помощник В.Болдин, — что все наши беды заключены в слаборазвитом машиностроении...»⁶⁰ Став человеком № 2 в Кремле, Горбачев должен был доказать, что именно он сможет эффективно провести модернизацию экономики, без которой дальнейшее развитие промышленности было невозможным.

Горизонты НТР М.Горбачев собирался осветить на Всесоюзной конференции по идеологии (руководство идеологической конференцией должно было подтвердить, что именно Горбачев занимает место человека № 2). «Тема ее была задана самим Черненко: как выполняются решения июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Зимянин обратился ко мне с просьбой выступить с основным докладом, поскольку я принял от Черненко прежнее направление его работы — идеологию... — вспоминает Горбачев. — Мне хотелось воспользоваться случаем, чтобы выйти за пределы июньского Пленума, который, на мой взгляд, оказался очень слабым»⁶¹. Горбачевские новации были «отслежены» и вызвали неожиданную для «кронпринца» реакцию. Окружение Черненко (В.Медведев утверждает, что действовали его помощники В.Печенев и Р.Косолапов, заведомо пропаганды Б.Стукалин и секретарь по идеологии М.Зимянин⁶², воспротивилось проведению форума. По воспоминаниям В.Медведева, «вход пошла версия, что материал сырой, недостаточно продуманный и т.д. Об этом мне говорил Зимянин, когда я по делам отдела науки был у него»⁶³. После незначительной корректировки доклад был «готов», «но дело этим не кончилось. Буквально накануне конференции Черненко позвонил Горбачеву

и предложил... отменить ее. Но на этот раз Горбачев решительно возразил»⁶⁴. Еще бы — ведь это уже был вопрос о престолонаследии. Стоило Горбачеву «уступить идеологию», и ее могли «занять» конкуренты. Сам Горбачев вспоминает об этом так: «Участники конференции съехались в Москву, все было готово. И вдруг, буквально накануне ее открытия, в 16 часов предшествующего дня, — звонок от Черненко... Я понял по тону разговора, что в кабинете он не один, и, наверное, задача тех, кто там был, состояла в том, чтобы удержать слабого, колеблющегося шефа на жесткой позиции»⁶⁵. В ответе Горбачева прозвучала прямая угроза: «Такой шаг недопустим, ибо означает публичный скандал»⁶⁶. Черненко пришлось пойти на попятный. «Кронпринца» настораживала активность советников Черненко — они могли настроить Генсека в пользу другого претендента.

Несмотря на традиционное название доклада Горбачева на конференции — «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений...», его тон не оставлял внимательным слушателям надежд на спокойную жизнь: *«Курс на интенсификацию диктуется объективными условиями, альтернативы ему нет. Качественное преобразование производительных сил, совершенствование производственных отношений определяют суть, главное содержание всей нашей деятельности на современном этапе. По своей новизне, масштабам и сложности это в полном смысле титаническая работа. И она должна осуществляться с полным размахом, требуя от каждого максимума энергии...»*⁶⁷

Призывы Горбачева к «качественному преобразованию производительных сил» и «совершенствованию производственных отношений» еще могли восприниматься как традиционная идеологическая мишура. Но в его речи было нечто большее, чем обычный партийно-комсомольский задор (не случайно Р.Косолапов отказался печатать речь в журнале «Коммунист»⁶⁸). В тексте, в подготовке которого приняли участие В.Медведев, А.Яковлев и Н.Биккенин⁶⁹, была в комплексном виде сформулирована программа первого периода правления Горбачева: *«На первый план выдвигаются такие коренные проблемы, как пути ускорения научно-технического прогресса и всесторонней интенсификации производства; совершенствование форм социалистической собственности, обеспечивающее все более органическое соединение непосредственного производителя с общественными средствами производства, укрепление у него чувства коллективного хозяина всего общественного достояния, активизацию и оптимизацию системы интересов при ведущей роли общенародного интереса; развитие научных основ и практики планирования народного хозяйства как главного средства осуществления экономической политики партии; совершенствование всей системы распределения»*⁷⁰. «Кронпринц» заговорил о «человеческом факторе», об «открытом честном слове партии», которое надо почаще обращать к народу, о «чувстве хозяина», о различных формах самоуправления и товарно-денежных отношений⁷¹. Правда, все эти «идеологиемы Перестройки» употребляются еще очень абстрактно. Горбачев не забывает одернуть нетерпеливых рыночников: *«Но бывает так, что перспективу повышения темпов развития экономики и роста ее эффективности ставят лишь в зависи-*

мость от развития товарно-денежных отношений»⁷². Горбачев готов учитывать экономические реалии, но не собирается исходить из них. Он напоминает прагматикам: *«Экономика и идеология неразделимы. И чем крепче взаимосвязь, тем результативнее и хозяйствование, и воспитание»*⁷³.

Совещание планировалось как прелюдия к пленуму ЦК по вопросам научно-технического прогресса, докладчиком на котором назначили Горбачева⁷⁴, а не Романова или Долгих, которые курировали промышленность и были ближе к этой проблеме. Однако пленум так и не состоялся, — по выражению Горбачева, его «завалили»⁷⁵.

Свои экономические познания Горбачеву следовало демонстрировать прежде всего на аграрном поприще, где он все еще нес прямую ответственность за состояние дел. Урожаи 1979—1984 гг. не внушали оптимизма. В октябре был проведен специальный Пленум ЦК по мелиорации. Партия не собиралась ждать милостей от природы. Ее планы не должны были зависеть от климатических передряг: *«В своей аграрной политике Коммунистическая партия исключительно большое значение придает повышению устойчивости сельскохозяйственного производства как важнейшему условию планомерного развития всего народного хозяйства. В достижении этой цели решающая роль принадлежит мелиорации — мощному средству интенсификации и повышения продуктивности земледелия»*⁷⁶.

Постановление предусматривало ускорение развития орошаемого земледелия на юге страны. Это было невозможно без переброски воды с севера — водные ресурсы юга уже были истощены. Но общественная кампания против переброски рек давала себя знать — постановление не говорит об этом проекте прямо. Нотки разочарования в проекте звучат и в выступлениях Горбачева: *«Само по себе увеличение вложений в осушение и орошение угодий не может обеспечить быстрого роста продукции, если не будут улучшены руководство и организация всего водохозяйственного строительства...»*⁷⁷

Другое оправдание неудач на сельскохозяйственном фронте — частичное непринятие предложений Горбачева по реформе органов управления сельским хозяйством. Попытка слить несколько министерств в одно суперведомство, отбитая в 1982 г. министрами, была не последней. Несмотря на то, что уже в Продовольственной программе Горбачеву удалось реализовать свою идею агропромышленных объединений, промышленность еще сохраняла независимость от аграрной верхушки, составлявшей опору Горбачева. Необходимо было продолжать наступление.

В январе 1984 г. Горбачев отправил на пенсию министра мясной и молочной промышленности Антонова, который сопротивлялся слиянию ведомств. В своих выступлениях «кронпринц» критиковал перерабатывающую промышленность за то, что она «печется о своих ведомственных интересах»⁷⁸. Отрасли, смежные с сельским хозяйством, объявлялись главными виновниками продовольственных проблем: *«Вкладывая немалые средства в увеличение производства зерна, овощей, хлопка, мяса, молока, хозяйства затем теряют немалую их часть из-за плохо организованных перевозок, несвоевременной переработки, неудовлетворительного хранения. В то же*

время известно, что на развитие базы хранения и переработки требуется куда меньше средств, чем на производство того объема продукции, который мы ежегодно теряем»⁷⁹.

Сельские руководители почувствовали себя хозяевами положения. Работник Министерства мясной и молочной промышленности Ю.Шумахер вспоминает о своих поездках 1984 г. по колхозам и совхозам страны: *«Приезжаю к председателю, задаю вопрос:*

Как вы взаимодействуете с соседним комбинатом?

Он достает фотоальбом и начинает мне показывать:

— Вот туточки я, а туточки — Михал Сергеевич. Я говорю: «Ну хорошо, а со смежниками-то вы как взаимодействуете?»

— Да вы бросьте, смотрите лучше сюда. Вот туточки я, а туточки Михал Сергеевич.

Было ясно, что ни о каком взаимодействии они говорить не хотели. Они хотели взять смежника в свои руки и командовать им. Они хотели командовать колбасой. Чтобы не просить ее у директора, а самим ее взять»⁸⁰.

Промышленность сопротивлялась порайонному растаскиванию и подчинению аграрникам, но стремление держать в своих руках дефицит превращало «помещиков» в активную политическую силу, с которой наверху не могли не считаться.

Даже Тихонов был вынужден уступать инициативам сторонников Горбачева, если они были «солидно» обоснованы. В июне 1984 г. с согласия Тихонова было принято предложение Воротникова о создании комбината «Кубань», объединяющего сельскохозяйственные и перерабатывающие предприятия Тимашовского района Краснодарского края. Это была еще более жесткая модель агропромышленного слияния, чем РАПО. Интересно, что Воротников аргументировал этот проект югославским опытом, который ранее считался «крамольным»⁸¹. Это свидетельствует о том, что в условиях кризиса идей кремлевское руководство не прочь было позаимствовать опыт у бывших оппонентов — сторонников децентрализации. В этом отношении Воротников, возглавлявший Российское правительство, шел еще дальше — ставил вопрос о создании в России структур управления, существующих и в других республиках⁸². Эта линия превращения России из совокупности областей в единый протогосударственный организм будет воплощаться в жизнь уже в 1990 г. И с далеко идущими последствиями.